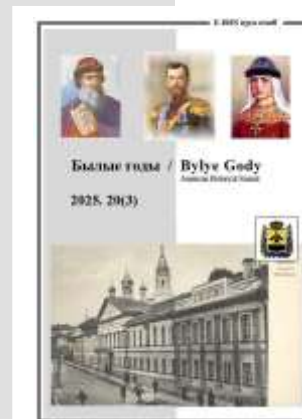

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1279-1287
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1279

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Colonial Mediation as a “Trauma”: Leaders of the Kazakh Intelligentsia in the Service of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries

Bibikhadisha Z. Abzhapparova ^{a,*}, Bakyt S. Tokmurzayev ^b, Zibagul S. Ilyassova ^a,
 Serikbay D. Mamraimov ^c

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article, based on the personal texts of the leaders of the Kazakh intelligentsia and their socio-cultural environment, substantiates the influence of the traumatic experience of the community on the involvement in the performance of the functions of colonial intermediaries on the eastern outskirts of the empire in the second half of the 19th – early 20th centuries. The choice of the chronological framework of the study is due to the actualization of the tasks of empire-building on the eastern periphery of Russia, the shift of the vector of colonization from Western and Eastern Siberia to the Steppe Region – a region in which the autochthonous population was numerically predominant. The need for social and cultural incorporation of autochthonous peoples, primarily the Kazakhs, leading a nomadic lifestyle, initiated the practice of mobilizing local elites who were actively involved in various spheres of life in the region. The position of the imperial authorities consisted in Russification and assimilation of the descendants of titled aristocratic families who demonstrated political loyalty, and the use of the group to solve current problems of overcoming cultural differences between the Russian and non-Russian populations. The study established that the desire of the imperial authorities to Russify and assimilate ethnic elites, with their endowment with the functions of colonial intermediaries, was aimed at creating a model for the incorporation of non-Russians into Russian society. At the same time, representatives of the titled national aristocracy accepted the identity of the new social and ethnic environment, fragmentarily, while maintaining strong relationships with their fellow tribesmen. The personal and professional formation of future leaders of the Kazakh intelligentsia was realized in the context of the wide popularity of the ideas of the Enlightenment. The belief in the ideals of progress, the evolutionary development of society, the "maturation" of backward peoples and the importance of "civilizing" in relation to them, placed the Kazakh intelligentsia educated according to European standards in an initially discriminatory situation of social, legal and cultural restrictions. The experience of trauma acquired by Kazakh intellectuals at all stages of their biographies significantly modified their ideas about the scale and significance of mediation tasks in the service of the Russian Empire, contributed to the formation of an identity crisis, which was expressed in the formulation of special strategies and practices for adapting to new life circumstances. In the late 19th – early 20th centuries, many leaders of the Kazakh intelligentsia were forced to abandon the continuation of a military or administrative career, moving into socio-political activity, including engagement with reformist and liberal currents of the time, which significantly removed them from the sphere of mediation tasks emanating from the imperial power.

Keywords: colonial mediation, “trauma”, leaders of the Kazakh intelligentsia, foreigners, discourse, eastern outskirts, Steppe region, Russian Empire.

* Corresponding author

E-mail addresses: hadisha_1960@mail.ru (B.Z. Abzhapparova),
b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), zita.o8@mail.ru (Z.S. Ilyassova)

1. Введение

Экспансия Российской империи в направлении своих восточных рубежей, начавшаяся ещё в XVI столетии в эпоху становления Московского централизованного государства, усилилась во второй половине XIX в., что выразилось в активном продвижении и освоении территорий Сибири, Дальнего Востока, Степного края и Туркестана. В рамках этого продолжительного во времени процесса происходило не только хозяйственное, но и ментальное освоение и присвоение новых пространств, реализуемое в дискурсивном формулировании принципов и осуществлении практик политики населения России в периферийных регионах, с характерными для империи установками доминирования и принуждения в отношении подданных – имперских субалтернов. Вместе с тем, корпус исследований, посвящённых колониальному делу России на восточных окраинах, позволяет говорить о разнообразии сценариев имперской инкорпорации территорий и людей в окраинных регионах (Сартори, Шаблей, 2019; Тольц, 2013; Малахов, 2023; Лор, 2012).

Очевидно, что российский колониационный процесс, смещаясь от западно-сибирских областей, обустроенных в военно-административном, этнокультурном, конфессиональном и социально-экономическом плане по стандартам имперского центра, в направлении отдалённой периферии (Восточной Сибири, Степного края, Туркестана) с преобладающим индигенным населением, ведущим кочевой образ жизни, претерпевал значительные изменения. Возникавшая потребность в культурной интеграции дисперсно разбросанных по обширным пространствам кочевых сообществ, предполагала разработку практик, адекватных «вызовам» времени, что находило выражение в двух моделях.

Во-первых, в среде имперских экспертов второй половины XIX в., воспитанных в духе просветительской идеологии, преобладало мнение о высоком культуртрегерском потенциале русского народа и его особой цивилизаторской миссии на востоке. Российский востоковед В.В. Григорьев предельно лаконично выразил мнение образованной части российского общества, заявив, что великое будущее страны заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 7). В практической плоскости, просвещение долгое время рецептировалось в категориях «русификаторство» и «седентаризм», что наглядно проявилось в радикальном предложении миссионера Вениамина – главы Забайкальской миссии: «...даём (инородцам) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду, ...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 16).

Во-вторых, с ростом переселенческого движения в пореформенный период, становилась очевидной беспочвенность ожиданий быстрой и безболезненной ассимиляции коренных народов в тех регионах, где автохтонное население численно преобладало. В Восточной Сибири, Степном крае, Туркестане распространение российских земледельческих практик стимулировало поземельные конфликты с инородцами, которые сопровождались столкновением культурных стереотипов русского и коренного населения на религиозной почве. В современной постколониальной историографии, строящей свои выводы на основании источников второй половины XIX – начала XX в., общим местом является тезис о культурном влиянии инородцев на русских переселенцев, что приводило к частому принятию ими правовых, религиозных, хозяйственных конвенций коренных групп населения (Сандерленд, 2005; Ремнёв, 2007; Чуркин, 2025). В. Сандерленд резюмирует: «Когда в конце имперского периода российские этнографы, антропологи, публицисты и другие путешественники проезжали по этой северной местности (бассейн реки Обь), они встречали там русских, которые говорили на языках сибирских народов лучше, чем на своем родном, ели сырое мясо, практиковали “шаманство” и так поразительно были похожи на “инородцев”, что, казалось, их просто невозможно было отличить от якутов, остяков, самоедов и других “первобытных” народов Сибири» (Сандерленд, 2005: 200). Согласно выводам М.К. Чуркина, русские поселенцы, живя в Сибири не компактными поселениями, а дисперсно расселяясь среди коренных народов, быстро ассимилируются ими, что подтверждают и результаты совместного проживания русских и инородцев в Туркестанском крае (Чуркин, 2024: 124).

В данной связи проблема культурной интеграции в ряде периферийных регионов, в частности Степном крае, необыкновенно актуализировалась для имперской власти и требовала поиска «мягких» решений, к числу которых относилась и идея создания института колониальных посредников, которая заключалась в постепенном привлечении к решению государственных задач на востоке империи представителей степной аристократии, а именно потомков наиболее лояльных имперскому присутствию кочевых родов. По мнению И. Кэмпбелла, опыт России, направленный на модернизацию областей, включаемых в состав империи на востоке, сопровождался практиками привлечения «туземных голосов» – переводчиков, военных, учителей, чиновников, образованных по русско-европейским стандартам второй половины XIX – начала XX в. (Campbell, 2017: 8-9).

Заметим, что обращение имперской бюрократии к инструменту колониального посредничества имело двоякие последствия. С одной стороны, участие посредников, к разряду которых принадлежали лидеры казахской интеллигенции, в государственных делах Российской империи на восточных окраинах способствовало выстраиванию отношений с многочисленным инородческим населением и возможности интенсификации контактов с главами родов. С другой стороны,

выполнявшие функции посредников потомки степных аристократов (Ч.Ч. Валиханов, Г.Б. Валиханов, И.А. Алтынсарин и др.) являлись носителями сложной идентичности. Интегрируясь в русскую культуру, лидеры казахской интеллигенции сохраняли прочную связь со своими соплеменниками и родовыми установками и традициями. Амбивалентность их культурной идентичности, в ситуациях, когда приходилось принимать и транслировать непопулярные в инородческой среде решения, оборачивалась «травмой», что приводило к коррекции в сознании сообщества и его отдельных акторов представлений о своём месте в российском социуме, правовом и общественном статусе, профессиональных обязанностях и моделях социокультурной коммуникации. Таким образом, предметная область исследования охватывает сферу представлений и деятельности лидеров казахской интеллигенции как колониальных посредников, их среду бытования и множественных разнонаправленных контактов. Цель статьи заключается в выявлении травматических сюжетов личных и профессиональных биографий членов сообщества, возникавших в результате их вовлечения в реализацию посреднической миссии в колониальных проектах и практиках Российской империи в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.

2. Материалы и методы

В основе источниковой базы статьи располагаются материалы, репрезентирующие травматический опыт лидеров казахской интеллигенции в системе координат реализации ими функции колониальных посредников в Степном крае во второй половине XIX – начале XX в.

Первую группу составили личные тексты выдающихся представителей казахского народа (Ч.Ч. Валиханов, Г.Б. Валиханов, И.А. Алтынсарин), отразившие рефлексию сообщества по разным вопросам организации административно-управленческого, общественно-политического, социально-экономического и социокультурного пространства Степного края, рациональную и эмоционально-экспрессивную реакцию лидеров казахской интеллигенции на сферу своей научной, общественной и публицистической коммуникации, взаимоотношения с властью. Ко второй группе источников относятся автобиографические и биографические материалы, вышедшие из-под пера российско-сибирских деятелей общественного движения, учёных, публицистов, имевших непосредственные и долгосрочные контакты с потомками казахской титулованной аристократии, по отношению к которым они выполняли функции наставников, коллег, соучеников и т.д. Привлечённые источники, составившие пространство дискурса, позволяют выявить генезис травматических ситуаций как составляющей биографий казахских интеллектуалов, специфику поведения акторов группы в условиях становления их профессиональной карьеры, общественно-политической и производственной коммуникации, связанной с ожиданиями имперской власти.

В построении методологической части статьи перспективным видится обращение к феномену лидерства, привлекавшему учёных разных научных сфер с конца XIX в. Прилагая долгосрочный опыт исследовательской рефлексии к проблемному полю статьи, выскажем предположение, что маркировка потомков степной аристократии в качестве лидеров казахской интеллигенции определяется в работе их способностью воздействовать на многочисленное сообщество инородцев, обладанием беспрекословным авторитетом и уважением в народной среде, участием в коммуникации не только со своими соплеменниками, но и с другими группами. Также в конструировании образа лидеров учитывались такие характеристики данного феномена, как доминантность, уверенность в себе, предприимчивость, креативность, что так или иначе проявлялось в социальном поведении наиболее ярких представителей сообщества.

В характеристике функций лидеров казахской интеллигенции как колониальных посредников принимались во внимание обстоятельства травматических реакций членов сообщества на внешние воздействия объективного и субъективного характера, что обусловило привлечение к исследованию некоторых результатов рефлексии понятия «травма» в научной литературе. Понятие «травма», осваиваемое в XIX столетии в психиатрии и психологии, в XX в. получило широкое распространение в гуманитарной области как моральная категория (Ассман, 2014; Калшед, 2001). Было доказано, что травма может носить социальный оттенок, выступать в качестве признака индивидуальной и групповой идентичности (Рехтман, Фассен, 2019).

Обработка и анализ текстов производились с обращением к теории дискурса Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, предлагающей критический инструментарий для исследования процессов социального конструирования реальности посредством языка, и, как следствие, инструментарию дискурсе-анализа как форме социальной практики, позволяющей конституировать социальный мир (Филлипс, Йоргенсен, 2008: 109).

3. Обсуждение

Сюжеты, посвящённые процессу генезиса, социокультурного становления и общественно-политической активности сообщества титулованной степной аристократии – лидеров казахской интеллигенции, в конце XX – первой четверти XXI столетий, стали заметным и устойчивым феноменом зарубежной и отечественной историографии. Как характерную тенденцию историографической традиции вопроса, отметим постепенное смещение исследовательского интереса

от ярких фактов личной и профессиональной биографии представителей образованной части казахского социума, характерного для 1990-х гг. (Козыбаев, 1998; Тернова, Исетов, 1998), к непосредственному осмыслению форм и средств репрезентации их интеллектуальной деятельности: публицистической и эпистолярной активности, общественной коммуникации, ментальных установок. Дискурсивные практики, запечатлевшие внутренние процессы интеллектуальной рефлексии и саморефлексии казахских интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в., включённость группы в социальные и интеллектуальные процессы, участие в конструировании социальных образов, оказались в центре внимания учёных-историков, исследовавших национальные и социокультурные феномены российской периферии в контексте имперской организации пространства, что стимулировало исследовательскую активность в области изучения стратегий и практик поведения этно-локальных сообществ и их отдельных представителей, условий и факторов формирования этнической идентичности, представлений о явлениях социальной реальности (Беккер, 2004; Верт, 2012; Ремнёв, 2007; Токмурзаев и др., 2025).

В эту исследовательскую канву вписываются и работы, посвящённые рефлексии травматического опыта социальных и этнических групп в истории России, в том числе и в контексте реализации имперского колониального опыта. Ставший путеводителем и бестселлером для историков и культурологов сборник статей «Травмопункты», вышедший под редакцией С. Ушакина в 2000 г., во многом обозначил новый исследовательский вектор в изучении внутренней организации, социального поведения и повседневных стратегий локальных сообществ Российской империи и восточных окраин страны (Чуркин, 2023: 72-79; Жанбосинова, 2020: 214-219).

4. Результаты

В определениях современного гуманитарного знания концепт «травма» ориентирован на осмысление функционирования личности и локальных объединений в условиях вынужденных ограничений, что приводит к формированию сообщества «утраты», выбирающего жизнестойкую модель сосуществования с собственным травматическим опытом (Ушакин, 2009: 8; Чуркин, 2023: 72).

Российская империя в лице окраинной бюрократии, реализуя в Степном крае программу преодоления культурных различий и создания социально однородного пространства, стремилась опереться на поддержку титулованной аристократии, создавая благоприятные условия для получения данной группой военного или гражданского образования, включения во всевозможные виды государственно-административной деятельности. Выполняя эту, на первый взгляд, благородную миссию, империя неуклонно конструировала формат травматической ситуации для выдающихся в будущем деятелей казахского интеллектуального «бомонда», изначально формулируя, и в дальнейшем демонстративно подчёркивая культурную дистанцию, разделявшую «человека власти и культуры» – представителя российского государства на периферии и субалтерна, который, даже превращаясь в «своего инородца», остаётся в положении угнетённого, не имеющего права голоса.

Исходным пунктом формирования травматической ситуации для потомков титулованной степной аристократии, маркируемых имперской властью в качестве колониальных посредников, являлась их принадлежность к родам, продемонстрировавшим лояльность новой власти, что, по сути, означало проявление покорности, верности, отказ от собственного суверенитета. Для многих молодых аристократов признание их предками власти Российской империи становилось условием профессионального роста и удовлетворения карьерных амбиций. «Сюжет протекции» – общее место биографических очерков, составленных наставниками и друзьями казахских интеллигентов Г.Н. Потаниным, Н.М. Ядринцевым, Н.И. Веселовским и др. Однако поддержка, которую оказывали выходцам из степной знати представители имперских элит – генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт (Ч.Ч. и Г.Б. Валихановы), управляющий областью Оренбургских киргизов В.В. Григорьев (И.А. Алтынсарин), генерал-губернатор Г.А. Колпаковский (А. Букейханов), предполагала полное и безоговорочное принятие правил и конвенций нового окружения, а в некоторых случаях и отказа от собственной этнокультурной идентичности.

Осознание казахскими интеллигентами факта участия российских администраторов в их карьерном пути во многом амортизировалось «травматическими» ситуациями, возникавшими повсеместно, что было обусловлено существованием «цивилизаторской» рамки, установленной культурой и властью Европы второй половины XIX – начала XX в. Её предельно точно озвучил известный российский востоковед В.В. Григорьев, который писал о коренных народах азиатской части России следующее: «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света, возвысить их до себя...и слить в одно великое, святое семейство» (Григорьев, 1840: 7-8). Насколько широко было растиражировано представление об автохтонных народах восточных окраин империи как о социальных неопитах, вступающих на путь цивилизации, подтверждается и позицией выдающегося педагога Н.И. Ильминского: «С инородцами надобно дело начать с начала, и на массу инородцев смотреть как на детей, которые собрались учиться и которым учитель должен преподавать элементарные знания, развивать их ум и воспитывать их религиозное чувство» (Ильминский, 1891: 6-7).

Отметим, что складывание травматического жизненного опыта будущих лидеров казахской интеллигенции происходило на всех этапах их социального и профессионального становления. Уже в процессе обучения в российских учебных заведениях степные аристократы сталкивались с дискриминационными актами в отношении себя и своих соплеменников, которые варьировались от чрезмерной их экзотизации до прямых ограничений прав и свобод. Так, например, современники Ч.Ч. Валиханова описывали его жизненный путь исключительно в цивилизаторской риторике постепенного «взросления». Н.М. Ядринцев, с некоторым изумлением, говорил о выдающихся способностях Валиханова, проявившихся ещё во время учёбы в кадетском корпусе, отмечая, что «он много читал, и его любимыми авторами были Диккенс и Теккерей» (Ядринцев, 1904: XXXVI). Экзотизируя своего героя, Н.М. Ядринцев подчёркивал: «Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказалась его племенная особенность, киргизы большие насмешники, но под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет» (Ядринцев, 1904: XXXVI). С.Я. Капустин, в своей заметке о Ч.Ч. Валиханове, без обиняков, комментировал факт его появления в российском коммуникативном поле: «...как коренной сибиряк, так и приезжий в Сибирь русский человек, ещё не могли смотреть на киргиза, как на равного себе. Самый гуманнейший сибиряк и россиянин относятся к инородцу как взрослый к ребёнку» (Капустин, 1968: 304).

У Г.Н. Потанина читаем: «...Валихановым интересовались многие – киргизский мальчик, и при этом, такой способный, уже рисует прежде, чем поступил в заведение. Поэтому его охотно брали к себе в отпуск те, которые ценили такое необыкновенное явление» (Потанин 1904: XII).

Современники Г.Б. Валиханова, вспоминая о стартовом периоде его обучения в Сибирском кадетском корпусе, фиксировали такой эпизод: «Когда хан Ходжа с мальчиками были приглашены в кадетскую столовую, и когда барабан забил на молитву, – никогда не слышавшие барабанного боя дикие сыны степей, заткнувши уши выбежали из столовой, чем произвели взрыв хохота между кадетами» (ЦГА РК. Ф. 273. Оп. 2. Д. 56. Л. 3). Данный факт, на первый взгляд, может показаться мелким, несущественным, преходящим событием, если бы не одно важное обстоятельство, которое стало своеобразной реакцией Г. Валиханова на травмирующую ситуацию и выбор стратегии её преодоления: молодой человек, ещё будучи учащимся Сибирского кадетского корпуса, в одном из рапортов к администрации просил именовать его султаном, подчёркивая тем самым принадлежность к архаичным родовым структурам и общую идентичность с соплеменниками (Прохоров, 2021: 4).

Как экзотический герой на страницах воспоминаний Н.И. Ильминского выступает И.А. Алтынсарин, чьё колониальное посредничество реализовывалось в педагогической работе среди инородцев. В представлении и репрезентациях Ильминского, Алтынсарин, во-первых, объект любопытства и опеки со стороны домочадцев учёного, слушавших за обедом, как талантливый инородец, «другой», читает вслух русские книги; во-вторых – поле для научных экспериментов востоковеда, практика изучения эмоциональной сферы своего подопечного и коллеги из «другого» мира: экспрессивность и психологическая неустойчивость И.А. Алтынсарина, необычные для «цивилизованного» европейца реакции на окружающий мир, выполняют приоритетную функцию в создаваемом Н.И. Ильминским образе молодого казаха.

Не менее существенным фактором, стимулировавшим травматические ощущения образованных казахов на службе Российской империи, становилось непосредственное вторжение имперской бюрократии в сферу профессиональной деятельности известных представителей сообщества, обусловленное правовыми нормами и традицией. Г.Н. Потанин сообщал, что Ч. Валиханов закончил кадетский корпус на год раньше своих сверстников, так как «...в последнем классе корпуса преподавали специально военные науки: тактику, фортификацию, артиллерию, и правительство считало опасным для государства знакомить с этими науками инородцев» (Потанин, 1968: 544). Н.И. Ильминский в биографическом очерке об И.А. Алтынсарине с возмущением отмечал, что тот, в период своей работы переводчиком Оренбургской пограничной комиссии, неоднократно сталкивался с прямым запретом перевода служебных текстов на казахский язык (Ильминский, 1891: 22). И.А. Алтынсарин по данному поводу писал в одном из своих писем: «Муллы, кроме особенного свойства набивать человеческие головы песками, портят и язык природный... Всякое прикосновение муллинской чести тотчас же сделает [любого] кафром ордынского начальства» (Алтынсарин, 1978: 23-24), а травматическую ситуацию в общем плане комментировал так: «Об образовании киргизов начальство так заботится, что предпочитает лучше красить крыши и без того красные, белить стены и без того белые, нежели приступать к постройке училищ при укреплениях. Но бог с ними, мне ли критиковать начальство» (Алтынсарин, 1978: 19).

Симптоматично, что латентная травма, как результат кризиса дуальной (русской и инородческой) идентичности, актуализировалась в экстраординарных жизненных ситуациях, сопровождавших военную и гражданскую службу казахов. Жестокая расправа корпуса генерала М.Г. Черняева и «зверства русских войск над единоверцами при взятии войском Пишпека» (Потанин, 1904: XXIX-XXX), свидетелями которых стали Ч.Ч. и Г.Б. Валихановы, спровоцировала сильнейший психологический кризис и способствовала инкапсуляции травматических ощущений, копившихся в годы учёбы и службы этих персонажей. Н.М. Ядринцев, описывая последний период жизни

Ч.Ч. Валиханова, отмечал: «В минуту разочарований он идёт как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище... Денди женится на киргизской девушке, как будто он ищет простого детского чувства после всевозможных обольщений в столице... Выйдя из детской колыбели в киргизской юрте, даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи» (Ядринцев, 1904: XXXVIII – XXXIX). В одной из бесед со своим товарищем и наставником Г.Н. Потаниным, Ч.Ч. Валиханов весьма показательно расставил свои привязанности и приоритеты: «Прежде всего, я люблю свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом всё человечество...» (Потанин, 1904: XXXI).

Г.Б. Валиханов незадолго до своей смерти посетил своих соплеменников Кургутульской волости Кокчетавского уезда, что дало повод уездному начальнику составить рапорт, в котором говорилось: «...Валиханов помнит, что он прямой и единственный потомок хана Вали, владельца землями и народом Средней орды; он считает себя лишенным своих царственных прав, он обездолен, он обижен – естественным является стремление восстановить себя во власти» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 871. Л. 92). Сам Г. Валиханов свои разочарование и негативное мироощущение, связанные с исполнением служебных функций, выразил опосредованно, но довольно показательно: «...прежде здешние степи являлись родиной великих людей, как то: Тамерлана, Чингисхана, Батыя и других, и что эти завоеватели, наводили ужас на Россию и даже поработили ее...» (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 43608. Л. 40б.).

5. Заключение

Таким образом, оценивая включённость сообщества лидеров казахской интеллигенции в формат колониального посредничества, необходимо отметить, что мобилизация империей представителей «туземной» аристократии в решение инородческого вопроса не дала ожидаемого властью эффекта. И здесь можно говорить о существовании двух важных контекстов. Во-первых, имперская политика населения, реализуемая на восточной периферии, преследовала цель преодоления культурных различий и создания «большой русской нации». В ходе решения данного вопроса выяснилось, что коренное население окраин, в частности Степного края, не готово было отказаться от своей идентичности в пользу идентичности русского народа. В этом смысле стремление имперской бюрократии максимально русифицировать этнические элиты и делегировать их представителям функции колониальных посредников рассматривалось как потенциальная возможность создания перспективной модели инкорпорации инородцев в российский социум. Во-вторых, потомки титулованной казахской знати, принимая через образовательные практики и институты наставничества конвенции нового социального окружения, сохраняли устойчивые связи со своими соплеменниками и чувство ответственности за их жизнь и судьбу. Личное и профессиональное становление будущих лидеров казахской интеллигенции происходило в условиях широкого распространения в российском образованном обществе и властных структурах идей эволюционизма и прогрессизма, что объективно ставило их в ситуацию правовых и культурных ограничений и дискриминаций. Перманентный травматический опыт, приобретаемый образованными казахами в имперском коммуникативном поле, существенно корректировал их представления о выполнении посреднических задач на службе Российской империи, способствовал психологической фрустрации, кризису идентичности, что находило выражение в разработке сценариев адаптации к новым жизненным обстоятельствам и способов совладающего поведения. На рубеже XIX – XX вв. многие представители казахской национальной интеллигенции отказывались от административной и военной службы в пользу общественно-политической деятельности. Эмансипируясь от посреднических функций, навязанных имперской властью, они стремились к правовой защите национальных интересов, расширению культурной и политической автономии, а также активному участию в просветительских и реформаторских инициативах.

Литература

- Алтынсарин, 1978 – Алтынсарин И. Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1978. 352 с.
- Ассман, 2014 – Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
- Беккер, 2004 – Беккер С. Россия и концепт империи / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей (Библиотека журнала «Ab imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань, 2004. С.67-81.
- Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессором В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Жанбосинова, 2020 – Жанбосинова А.С. Историческая память о Великой Отечественной войне в пространстве Казахстана // Исторический курьер. 2022. № 1. С. 133-144.
- Ильминский, 1891 – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.

- Калшед, 2001** – *Калшед Д.* Внутренний мир травмы: архетипические защиты личностного духа. М.: Академический Проект, 2001. 365 с.
- Капустин, 1968** – *Капустин С.Я.* О Чокане Валиханове // Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5 т. Т. IV. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. С. 303-307.
- Козыбаев, 1998** – *Козыбаев М.К.* «История России есть история страны, которая колонизируется» // *Столичное обозрение*. 02.05.1998.
- Лор, 2012** – *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
- Малахов, 2023** – *Малахов В.* Политика различий. Культурный плюрализм и идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 288 с.
- Потанин, 1904** – *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Ч. Валиханове / *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. IV-XXXIV.
- Прохоров, 2021** – *Прохоров И.* Малоизвестны, но достойны внимания // *Казахстанская правда*. 20 августа 2021 г. С. 4-6.
- Ремнёв, 2007** – *Ремнев А.В.* 300-летие присоединения Сибири к России: в ожидании “нового исторического периода” // *Культурологические исследования в Сибири*. 2007. № 1. С. 34-50.
- Рехтман, Фассен, 2019** – *Рехтман Р., Фассен Д.* Моральная экономика травмы // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2019. № 5(127). С. 33-46.
- Сандерланд, 2005** – *Сандерланд В.* Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. Антология*. М.: Новое издательство, 2005. С. 198-203.
- Сартори, Шаблей, 2019** – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- Тернова, Исетов, 1998** – *Тернова И.К., Исетов Р.К.* Жизнь, озаренная борьбой. Посвящена 125-летию со дня рождения Ахмета Байтурсынова. Костанай: Костанайский печатный двор, 1998. 75 с.
- Тольц, 2013** – *Тольц В.* «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Ушакин, 2009** – *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах / *Травмопункты: сб. статей* / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-45.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008** – *Филлипс Н., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Харлампович, 1905** – *Харлампович К.В.* О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Чуркин, 2023** – *Чуркин М.К.* «Жить с травмой...»: стратегия преодолевающего переживания и совладающего поведения политических ссыльных Тобольского Севера (1880-е гг.) // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2023. Т. 30. № 1. С. 72-79.
- Чуркин, 2024** – *Чуркин М.К.* Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881–1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- Ядринцев, 1904** – *Ядринцев Н.М.* Биографические сведения о Ч. Валиханове // *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. XXXV-XXXIX.
- Campbell, 2017** – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 2017. 343 p.
- Tokmurzayev et al., 2025** – *Tokmurzayev B.S., Churkin M.K., Zhangaliev U.K., Mamraimov S.D.* “Own Foreigners” in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries // *Bylye gody*. 2025. 20(2): 780-790.

References

- Altynsarin, 1978** – *Altynsarin, I.* (1978). Sbranie sochinenij v 3 t. [Collected works in 3 volumes]. T. 3. Alma-Ata, «Nauka» KazSSR, 352 p. [in Russian]
- Assman, 2014** – *Assman, A.* (2014). Dlin'naya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [Long shadow of the past. Memorial culture and historical policy]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p. [in Russian]
- Bekker, 2004** – *Bekker, S.* (2004). Rossiya i koncept imperii [Russia and the concept of empire]. Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva: Sb. statej (Biblioteka zhurnala «Ab imperio»). Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan'. Pp. 67-81. [in Russian]
- Campbell, 2017** – *Campbell, I.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 343 p.

- [Churkin, 2023](#) – *Churkin, M.K.* (2023). "Zhit' s travmoj...": strategiya preodolevayushchego perezhivaniya i sovladayushchego povedeniya politicheskikh ssyl'nyh Tobol'skogo Severa (1880-e gg.) ["Living with trauma...": strategy of overcoming experiences and coping behavior of political exiles of the Tobolsk North (1880s)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 30(1): 72-79. [in Russian]
- [Churkin, 2024](#) – *Churkin, M.K.* (2024). Scenarii imperskoj inkorporacii Aziatskoj Rossii v diskurse yubilejnyh torzhestv, posvyashchennyh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881–1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881–1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- [Fillips, Jorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Jorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method.]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professorom V. Grigor'evym On Russia's Attitude Toward the East: A Speech Delivered by Professor V. Grigoriev, the Acting Professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- [Harlampovich, 1905](#) – *Harlampovich, K.V.* (1905). O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiepiskopa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian Enlightenment of Foreigners: Correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- [Il'minskij, 1891](#) – *Il'minskij, N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 396 p. [in Russian]
- [Kalshed, 2001](#) – *Kalshed, D.* (2001). Vnutrennij mir travmy: arhetipicheskie zashchity lichnostnogo duha [The inner world of trauma: archetypal defenses of the personal spirit]. M.: Akademicheskij Proekt, 365 p. [in Russian]
- [Kapustin, 1968](#) – *Kapustin, S.Ya.* (1968). O Chokane Valihanove [About Chokan Valikhanov]. Ch.Ch. Valihanov. Sobranie sochinenij v 5 t. P. IV. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazahskoj SSR. Pp. 303-307. [in Russian]
- [Kozybaev, 1998](#) – *Kozybaev, M.K.* (1998). Istoriya Rossii est' istoriya strany, kotoraya kolonizuet'sya [The history of Russia is the history of a country that is being colonized]. *Stolichnoe obozrenie*. 2.05. [in Russian]
- [Lor, 2012](#) – *Lor, E.* (2012). Russkij nacionalizm i Rossijskaya imperiya [Russian Nationalism and the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 304 p. [in Russian]
- [Malahov, 2023](#) – *Malahov, V.* (2023). Politika razlichij. Kul'turnyj plyuralizm i identichnost' [The politics of difference: cultural pluralism and identity]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 288 p. [in Russian]
- [Potanin, 1904](#) – *Potanin, G.N.* (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. SPb: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. IV-XXXIV. [in Russian]
- [Prohorov, 2021](#) – *Prohorov, I.* (2021). Maloizvestny, no dostojny vnimaniya [Little known, but worth attention]. *Kazahstanskaya pravda*. 20 avgusta. Pp. 4-6. [in Russian]
- [Rekhtman, Fassen, 2019](#) – *Rekhtman, R., Fassen, D.* (2019). Moral'naya ekonomika travmy [Moral economics of trauma]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 5(127): 33-46. [in Russian]
- [Remnyov, 2007](#) – *Remnev, A.V.* (2007). 300-letie prisoedineniya Sibiri k Rossii: v ozhidanii "novogo istoricheskogo perioda" [300th anniversary of Siberia's annexation to Russia: in anticipation of a "new historical period"]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. 1: 34-50. [in Russian]
- [Sanderland, 2005](#) – *Sanderland, V.* (2005). Russkie prevrashchayutsya v yakutov? «Obynorodchivanie» i problemy ruskoj nacional'noj identichnosti na Severe Sibiri, 1870–1914 [Are Russians turning into Yakuts? "Common Rooting" and problems of Russian national identity in Northern Siberia, 1870–1914]. Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let. Antologiya. M.: Novoe izdatel'stvo. Pp. 198-203. [in Russian]
- [Sartori, Shablei, 2019](#) – *Sartori, P., Shablei, P.* (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znanii v kazahskoj stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Ternova, Isetov, 1998](#) – *Ternova, I.K., Isetov, R.K.* (1998). Zhizn', ozarennaya bor'boj. Posvyashchena 125-letiyu so dnya rozhdeniya Ahmeta Bajtursynova [Life illuminated by struggle. Dedicated to the 125th anniversary of Akhmet Baitursynov's birth]. Kostanaj: Kostanajskij pechatnyj dvor, 75 p. [in Russian]
- [Tokmurzayev et al., 2025](#) – *Tokmurzayev, B.S., Churkin, M.K., Zhangaliev, U.K., Mamraimov, S.D.* (2025). "Own Foreigners" in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries. *Bylye gody*. 20(2): 780-790.
- [Tol'ts, 2013](#) – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period ["Russia's own East": Identity politics and orientalism in the late imperial period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].

Ushakin, 2009 – Ushakin, S. (2009). «Nam etoj bol'yu dyshat'»? O travme, pamyati i soobshchestvah [“Should We Breathe This Pain?” On Trauma, Memory, and Communities]. *Traumopunkt: sb. statej.* Sost. S. Ushakin i E. Trubina. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 5-45. [in Russian]

Vert, 2012 – Vert, P. (2012). Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]

Yadrincev, 1904 – Yadrincev, N.M. (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Ch. Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. SPb: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. XXXV-XXXIX. [in Russian]

Zhanbosinova, 2020 – Zhanbosinova, A.S. (2020). Istoricheskaya pamyat' o Velikoj Otechestvennoj vojne v prostranstve Kazakhstana [Historical memory of the Great Patriotic War on the territory of Kazakhstan]. *Istoricheskij kur'er*. 1: 133-144. [in Russian]

Колониальное посредничество как «травма»: лидеры казахской интеллигенции на службе Российской империи во второй половине XIX – начала XX в.

Бибихадиша Журсиновна Абжаппарова ^{a, *}, Бакыт Салманович Токмурзаев ^b,
Зибагул Сулейменовна Ильясова ^a, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^c

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^c Южно-Казахстанский педагогический университет им. Узбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах личных текстов лидеров казахской интеллигенции и их социокультурного окружения, обосновывается влияние травматического опыта сообщества на включённость в выполнение функций колониальных посредников на восточных окраинах империи во второй половине XIX – начале XX в. Выбор хронологических рамок исследования обусловлен актуализацией задач империостроительства на восточной периферии России, перемещением вектора колонизации от Западной и Восточной Сибири к Степному краю – региону, в котором автохтонное население являлось численно преобладающим. Потребность социальной и культурной инкорпорации автохтонных народов, прежде всего казахов, ведущих кочевой образ жизни, инициировала практики мобилизации местных элит, активно вовлекаемых в различные сферы жизни региона. Позиция имперской власти состояла в русификации и ассимиляции потомков титулованных аристократических родов, продемонстрировавших политическую лояльность, и использовании этой группы для решения текущих задач преодоления культурных различий между русским и инородческим населением.

В процессе исследования установлено, что стремление имперской власти к русификации и ассимиляции этнических элит, с наделением их функциями колониальных посредников, было направлено на создание модели инкорпорации инородцев в российский социум. Вместе с тем представители титулованной национальной аристократии принимали идентичность нового социального и этнического окружения фрагментарно, сохраняя при этом прочные отношения со своими соплеменниками. Личное и профессиональное формирование будущих лидеров казахской интеллигенции реализовывалось в контексте широкой популярности идей эпохи Просвещения. Вера в идеалы прогресса, эволюционного развития общества, «взросления» отсталых народов и значимость «цивилизаторства» в отношении таковых ставила образованную по европейским стандартам казахскую интеллигенцию в изначально дискриминационную ситуацию социальных, правовых и культурных ограничений. Опыт травмы, приобретаемый казахами-интеллектуалами на всех этапах их биографий, значительно видоизменял их представления о масштабе и значимости посреднических задач на службе Российской империи, способствовал формированию кризиса идентичности, что выражалось в формулировании особых стратегий и практик адаптации к новым жизненным обстоятельствам. В конце XIX – начале XX в. многие лидеры казахской интеллигенции были вынуждены отказаться от продолжения военной или административной карьеры, переходя к общественно-политической деятельности, что сопровождалось взаимодействием с представителями либеральных и реформаторских кругов, тем самым значительно удаляло их от сферы посреднических задач, исходивших от имперской власти.

Ключевые слова: колониальное посредничество, «травма», лидеры казахской интеллигенции, инородцы, дискурс, восточные окраины, Степной край, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: hadisha_1960@mail.ru (Б.Ж. Абжаппарова),
b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев), zita.o8@mail.ru (З.С. Ильясова)